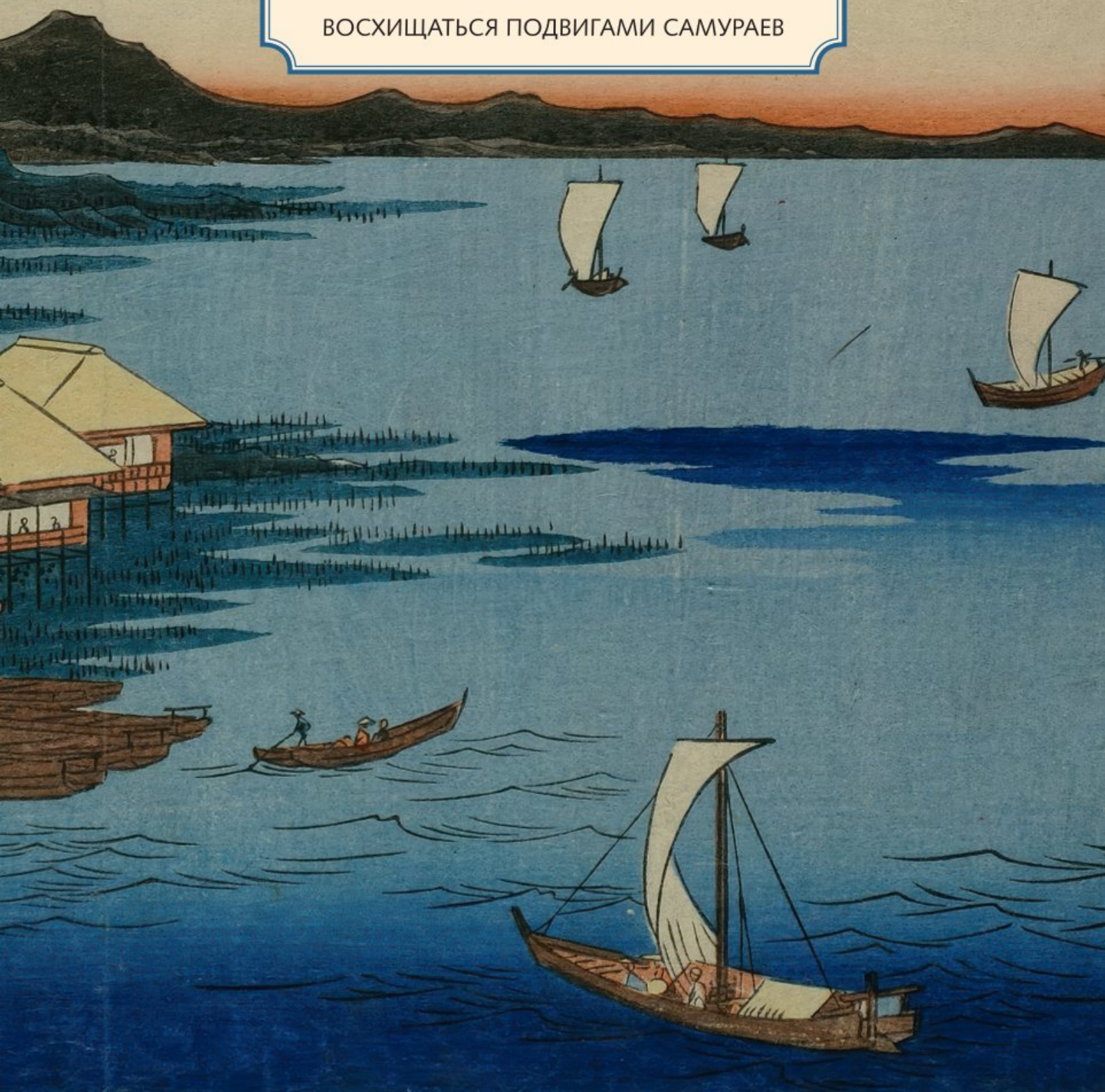

白鳥橋

Я ПОСВЯЩАЮ
ЭТУ НЕБОЛЬШУЮ КНИГУ
СВОЕМУ ЛЮБИМОМУ ДЯДЕ
ТОКИТОСИ ОТА,
КОТОРЫЙ НАУЧИЛ МЕНЯ УВАЖАТЬ ПРОШЛОЕ
И
ВОСХИЩАТЬСЯ ПОДВИГАМИ САМУРАЕВ

Тот, кто стоит на горе
и смотрит на этот путь,
не уверен, что это дорога;
А тот, кто в низине стоит,
Видит ее, ведущую ввысь,
ровную от основания до вершины,
Не сомневаясь ни в чем, ошибки недопустимы!
Какими покажутся выбоины
Смотрящим с обеих сторон?
Наконец, взглянем иначе:
Что, если ямы на нашем пути
Окажутся тем самым смыслом его?
Призванными отточить наш взгляд, научить нас вере?

Роберт Браунинг
Апология Епископа Блоугрэма

«Образно выражаясь, веками три могущественных духа колыхали поверхность вод человеческого общества, задавая моду на те или иные моральные принципы и энергии. Я говорю о духах свободы, религии и чести».

Г. Галлам, «Европа в Средние века».

«Рыцарство само по себе является поэзией жизни».

К. В. Ф. Шлегель, «Философия истории».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около десяти лет назад, проводя несколько дней под гостеприимным кровом выдающегося бельгийского юриста, ныне оплакиваемого, а тогда здравствующего господина де Лавелье, во время одной из прогулок мы разговорились с ним о религии. «Вы хотите сказать, — спросил почтенный профессор, — что в японских школах нет религиозного образования?»

Услышав мой отрицательный ответ, он внезапно остановился в изумлении и голосом, который сложно забыть, повторил: «Слово Божье не передается детям! Как же тогда осуществляется нравственное воспитание подрастающего поколения?» На тот момент его вопрос застал меня врасплох. Я не смог дать убедительного ответа, ведь моральные принципы, которые я усвоил в детстве, не преподавались в наших школах. Начав анализировать различные постулаты, сформировавшие мои представления о добре и зле, я обнаружил, что мои легкие наполнила ими именно философия *бусидо*.

Непосредственным поводом для написания этой небольшой книги стали частые вопросы моей жены-американки о причинах, по которым в Японии зародились те или иные идеи и обычаи.

Пытаясь дать удовлетворительные ответы господину де Лавелье и своей супруге, я обнаружил, что нравственные принципы современной Японии остаются для других культур тайной за семью печатями просто в силу их непонимания системы феодализма и феномена *бусидо*.

Воспользовавшись вынужденным периодом безделья, случившимся из-за продолжительной болезни, я изложил в этой книге некоторые ответы на вопросы, заданные в ходе домашних бесед. В основном мое понимание культурных основ сложилось из того, чему меня учили и что мне рассказывали в дни моей юности, когда в Японии еще царил феодализм.

После трудов Лафкадио Хирна и госпожи Хью Фрейзер с одной стороны, и сэра Эрнеста Сатоу и профессора Чемберлена с другой, мне искренне неудобно приниматься за англоязычное описание японских нравственных принципов. Единственное преимущество, которое у меня есть перед упомянутыми авторами, заключается в том, что я могу занять личную позицию ответчика, в то время как другие писатели в лучшем случае выступают адвокатами либо одной, либо другой стороны. Приступая к работе, я часто сокрушался: «Будь у меня их писательский дар, я бы более убедительно представил интересы Японии!» Но пишущему на чужом языке остается только надеяться на свои способности выразиться более-менее понятно.

На протяжении всего повествования я старался проиллюстрировать все свои замечания параллельными примерами из европейской истории и литературы в надежде, что они помогут иностранным читателям приблизиться к пониманию предмета разговора.

Если читатели воспримут какие-либо из моих высказываний на религиозные темы или упоминания религиозных деятелей как пренебрежительные, я надеюсь, что сомнению не будет подвергнуто как минимум мое отношение к христианству как таковому. Я не испытываю симпатии к церковным методам и формам, которые затемняют учение Христа, это правда. Но не к самому учению. Я верю в религию, которую Иисус передал нам через Новый Завет, а также в его законы, место которым всегда найдется в наших сердцах. Кроме того, я верю, что Господь адресовал завет, который называется «ветхим», многим народам и нациям: язычникам и иудеям, христианам и атеистам. Что касается прочих моих теологических замечаний, я постараюсь не испытывать терпение глубокоуважаемых читателей.

白
春
顏
最
風
流
與
綻
霞
鋪
錦
水
頭

黃
子
華

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Бусидо как этическая система

Истоки бусидо

Прямота или справедливость

Мужество, отвага и выдержка

Благожелательность и милосердие

Вежливость

Честность и правдивость

Честь

Верность

Воспитание и тренировка самурая

Самоконтроль

Самоубийство и месть за поруганную честь

Меч — душа самурая

Обучение и положение женщин

Влияние бусидо

Жив ли принцип бусидо сегодня?

Будущее бусидо

БУСИДО КАК ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Рыцарство, благородство, честь — это цветы, столь же родные для Японии, как и символ страны — цветущая сакура. Это отнюдь не засохший раритет древней добродетели, сохранившийся в гербарии нашей истории. Рыцарство по-прежнему воплощает в нашем сознании силу и красоту; и пусть оно не принимает никаких осязаемых очертаний, оно тем не менее наполняет воздух нашей страны моралью и напоминает, что мы, японцы, все еще находимся под его могущественными чарами. Общественные условия, которые породили и питали институты рыцарства, давно растворились в небытие; но, как и те далекие звезды, которые когда-то родились и которых больше нет, продолжают проливать на нас свои лучи, так и свет рыцарства, порождения феодализма, по-прежнему освещает наш нравственный путь, пережив материнскую утробу. Мне доставляет удовольствие размышлять на эту тему на языке Бёрка, который произнес хорошо известную трогательную хвалебную речь над заброшенным гробом своего европейского предка.

Когда даже столь эрудированный ученый, как доктор Джордж Миллер, без колебаний утверждает, что рыцарства или любого другого подобного института никогда не существовало ни у древних народов, ни у современных жителей Востока, это свидетельствует о печальном недостатке у западных культур информации о Дальнем Востоке. Подобное невежество, однако, вполне простительно, поскольку третье издание книги почтенного доктора появилось в том же году, когда в двери японской исключительности впервые постучался коммодор Перри.

Более десяти лет спустя, примерно в то время, когда японский феодализм уже издавал предсмертные хрипы, Карл Маркс в своем «Капитале» обратил внимание читателей на особое преимущество изучения социальных и политических институтов феодализма, которые на тот момент можно было вживую увидеть только в Японии. Я бы также настойчиво пригласил к изучению рыцарства в современной Японии западных студентов, заинтересованных в истории и этике.

Несмотря на всю привлекательность исторического исследования, посвященного сравнению европейского и японского феодализма и рыцарства, в задачи данной книги не входит подробное рассмотрение этого вопроса. Моя попытка скорее состоит в том, чтобы рассказать, во-первых, о происхождении и истоках нашего рыцарства; во-вторых, о характере, специфике этого учения; в-третьих, о его влиянии на социальные массы; и, в-четвертых, о непрерывности и постоянстве этого влияния. Из этих нескольких пунктов, происхождения я коснусь кратко и бегло, иначе мне пришлось бы ввести моих читателей в извилистые пути японской национальной истории;

尾新吾

道田市美

山

國士

на втором пункте мы остановимся подробнее, поскольку японское мышление и обоснование поступков, скорее всего, заинтересуют студентов, изучающих международную этику и сравнительную этнологию; а остальные пункты рассмотрим, как следствие первых.

Японское понятие, которое я приблизительно передаю словом «рыцарство», в оригинале существенно выразительнее и подразумевает гораздо больше, чем простое «искусство верховой езды». Термин «бу-си-до» буквально означает «военно-рыцарские обычаи» — предписания, которым должны следовать в своей повседневной жизни, а также в своей профессии, состоящие на военной службе японские дворяне; другими словами, «правила рыцарства», благородство, ожидающееся от социального класса воинов. Передав, таким образом, буквальное значение термина, я прошу у читателей разрешения впредь использовать это слово в транскрипции. Сохранение оригинального термина целесообразно еще и по той причине, что учение, территориально-ограниченное и уникальное, формирующее столь своеобразный склад ума и характера, столь самобытное, просто обязано называться словом, несущим отпечаток своей исключительности.

Кроме того, некоторые слова обладают национальным оттенком, настолько точно выражающим культурные особенности, что большинство иностранцев не в состоянии уловить всю палитру оттенков значения. Лучшие переводчики могут лишь найти скудное соответствие, но никогда не подобрать реалию, всецело идентичную по смыслу. Кто, например, сможет точно передать при переводе значение немецкого слова *Gemüth*? Кто же не чувствует разницы между английским *gentleman* и французским *gentilhomme*, двумя словами, которые в повседневном употреблении практически идентичны?

Таким образом, *бусидо* — это кодекс моральных принципов, который должны были соблюдать японские воины. Этот кодекс не зафиксирован письменно: в лучшем случае он состоит из нескольких правил, передаваемых из уст в уста или вышедших из-под пера какого-нибудь известного лидера или ученого. Зачастую этот невысказанный и неписанный кодекс выполняет роль непререкаемого стандарта истинного поступка и закона, записанного

на плотских скрижалях сердца. Он основан не на идеях одного, каким бы способным тот ни был, мыслителя и не на жизни одного исторического персонажа, каким бы известным тот ни был.

Этот кодекс представляет собой органичный результат десятилетий, столетий развития образа воина. Возможно, он занимает такое же место в истории этики, какое в политической истории занимает английская Конституция; однако его нельзя сравнить ни с Великой хартией вольностей, ни с Законами Хабеас Корпус. Да, в начале XVII века были обнародованы Военные уставы (*Buké Hatto/Буке Хатто*), но эти тринадцать коротких статей касались в основном браков, замков, союзов и подобных вещей, а дидактические предписания затрагивались лишь вскользь. Поэтому не получится указать на определенное время и место и сказать: «Вот исток учения бусидо». Только в эпоху феодализма оно становится осознанным, и его историческое происхождение можно примерно отождествить с периодом феодализма. Феодализм сам по себе соткан из множества нитей, и бусидо разделяет его сложную природу.

Можно сказать, что как в Англии политические институты феодализма восходят ко времени норманнского завоевания, так и в Японии его расцвет произошел в конце XII века одновременно с приходом к власти Ёритомо. Однако, как в английской истории мы находим социальные элементы феодализма еще в период, предшествовавший Вильгельму Завоевателю, так и в Японии зародыши феодализма существовали задолго до упомянутого мной временного периода.

Опять же, в Японии, как и в Европе, с формальным установлением феодализма на первый план, естественно, выдвинулся класс профессиональных воинов. Они стали известны как самураи, что буквально означает «стражники» или «слуги», подобно древнеанглийскому *cniht* (кнехт, рыцарь). По характеру они напоминали *soldurii*, о существовании которых Цезарь упоминал в Аквитании, или *comitati*, которые, согласно Тациту, в его время следовали за германскими вождями; или, если взять еще более позднюю параллель, — *milites medii* Средних веков, о которых можно прочесть в «Истории средневековой Европы». В обиход также вошло китайско-японское слово «бу-ке» или «бу-си» («сражающиеся рыцари»). Они считались привилегированным классом и, должно быть, изначально представляли собой породу людей, готовых пойти на смерть, сделав сражение своим призванием. Естественно, эта социальная страта в течение длительного периода набиралась из самых мужественных и предприимчивых представителей общества в ходе постоянных междоусобиц, долгое время продолжался процесс отсева: избавлялись от робких и слабых, оставались только те, кто мог называться, словами Эмерсона, «закаленными, непоколебимо мужественными, обладающими звериной силой». Именно они выжили, чтобы

南塔
上寺
羽振

江戸百景

создавать кланы и пополнять ряды самураев. Они начали претендовать на невиданный почет и привилегии и, следовательно, на большую ответственность. Вскоре самураи почувствовали необходимость в едином стандарте поведения, тем более что всегда находились в состоянии войны и принадлежали к разным кланам. Точно так же, как врачи ограничивают конкуренцию между собой профессиональной вежливостью, как юристы предстают перед квалификационной комиссией в случаях нарушения этикета, так и воины должны иметь какую-то основу для вынесения окончательного решения по возможным разногласиям.

Исключительно честный бой! Какие благодатные ростки нравственности таятся в этом примитивном принципе родом из первобытных времен или глубокого детства. Разве не в нем корень всех военных и гражданских добродетелей? Мы улыбаемся (как будто мы уже выросли из этой договоренности!) мальчишескому желанию маленького британца Тома Брауна «оставить после себя репутацию человека, который никогда не обижал малышей и не отворачивался от старших». И все же, кто не согласится, что именно это желание является краеугольным камнем, на котором только и возводятся моральные структуры вселенского масштаба?

Буду ли я неправ, если осмелюсь заявить, что даже самая мягкая и миролюбивая из религий поддерживает это стремление? Это желание Тома является основой, на которой в значительной степени зиждется величие Англии. Не потребуется много времени, чтобы убедиться, что *бусидо* стоит на не меньшем пьедестале. Если борьба сама по себе, будь то наступательная или оборонительная, является, как справедливо утверждают квакеры, жестокой и неправильной, можно все равно согласиться с Лессингом: «Всем известно, из каких недостатков проистекает наша добродетель». «Подхалимы» и «трусы» — это эпитеты, которые до глубины души оскорбляют душевно здоровых, простых людей. С этих представлений в раннем детстве начинается жизнь, посвящение в рыцари; но по мере того, как жизнь приобретает более масштабные грани, а отношения — оттенки, древние принципы нуждаются в одобрении высших властей и более рациональных источников — в разумном обосновании, удовлетворении намеченных потребностей и развитии. Если бы военные интересы осуществлялись в одиночку, без какой-либо высшей моральной основы, насколько далеким от намека на благородство был бы идеал рыцарства! В Европе христианство снабжало знатных духовными оправданиями решений и поступков, ведь религиозное учение всегда можно интерпретировать с удобными уступками. «Религия, война и слава составляли три вершины души образцового христианского рыцаря», — говорит Ламартин.

В Японии существовало несколько источников происхождения кодекса *бусидо*, и первым среди них можно назвать Буддизм.